

5 ИЮН. 1948

3. ПАПЕРНЫЙ

Перечитывая Белинского

1. ТЕОРИЯ И ЖИЗНЬ

Вспомним, какой была наша литература, когда умирающий Белинский писал свой последний обзор — «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

За несколько лет перед этим вышла в свет первая часть «Мертвых душ» Гоголя, которого Белинский называл главою так называемой натуральной (реалистической) школы. Уже появились стихи Некрасова, первые рассказы из «Записок охотника» Тургенева, «Деревня» и «Антон Горемыка» Григоровича, «Кто виноват?» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, «Бедные люди» и «Двойник» Достоевского.

Сейчас нам ясно и отчетливо видно, что натуральная школа явилась новым словом в развитии русского критического реализма. Но тогда писатели натуральной школы были в меньшинстве. Они были молодыми и еще мало известными публике писателями. Их произведения почти ускользали от невнимательного и незаинтересованного взгляда, теряясь среди произведений маститых, видных, но уже отставших от жизни авторов.

Глубоко и тщательно изучая современную литературу, Белинский обратился к тем, пока еще немногочисленным романам, повестям и рассказам, в которых содержалось зерно дальнейшего развития русской реалистической литературы XIX века.

Белинский не просто «открыл» натуральную школу. Внимательным и заинтересованным взглядом изучал он живой процесс развития современной литературы. В то время как официально признанные «теоретики», запершись в кабинетах, не слыша голосов жизни в литературе, сочиняли «разные риторички и пиитики, которые, как и все книги этого рода, никогда и никого не научили сочинять хорошо, но с толку сбили многих», — в это время Белинский жадно и нетерпеливо изучал живую литературу, в том числе книги молодых, порой еще никому не известных писателей.

Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности, — говорил Белинский.

Он всегда разоблачал пустую, ложную значительность абстрактного теоретизирования. Сложные вопросы литературной теории он решал в ходе глубокого, конкретного и целенаправленного идейно-художественного анализа произведений. Не случайно, что именно в своем знаменитом обзоре русской литературы 1847 года в борьбе с противниками натуральной школы — вполне конкретными и называемыми по имени — он ставил вопросы о сущности искусства, его общественном служении, разоблачал мысли «чисто немецкого происхождения» о «чистом искусстве».

Много невольных сопоставлений приходило сегодня, когда перечитываешь вечно живые страницы последнего обзора русской литературы, написанного умирающим Белинским. Он создан сто лет тому назад. Но как свежо и сильно звучит в нем каждая строка, как много в нем такого, чему можно и нужно учиться сегодня!

2. САД ИЛИ ГЕРБАРИЙ?

Недавно на общий стол советского литературоведения легла новая интересная и содержательная книга — сборник «Проблемы социалистического реализма». В нем участвуют видные и авторитетные наши критики и литературоведы. Здесь не место подробно говорить о достоинствах и недостатках помещенных статей. В них много и того и другого. Но есть в них недостаток, ощущающийся особенно ясно.

Книга, посвященная проблемам теории новой социалистической литературы, в сущности, оказалась только рядом с литературой (исключение составляет лишь статья А. Фадеева, которая ставит актуальные вопросы сегодняшнего дня). Современные книги используются авторами чаще всего как примеры, иллюстрации к тому, в чем авторы, собственно, и не сомневались раньше.

Б. Яковлев называет свою статью «Ростки коммунизма и советская литература». Он привлек большой и подчас интересный сам по себе материал. Но при этом забыл о современной литературе. И «ростки» у него получились не живые. Его статья — это не сад, а гербарий. В ней нет главного — живого дыхания жизни и литературы.

Дело не только в том, что автор прошел мимо литературы сегодняшнего дня. Хуже, что он вообще отказывается от конкретного литературного анализа. Вместо этого, он либо ограничивается упоминанием произведения, либо извлекает из него одну, правда, порою выразительную цитату.

В сущности, так же поступает и В. Карпентин. Вот, например, как он пишет о положительных образах советской литературы:

«Тут и Чапаев, и Клычков, и Вприня, и Левинсон, и Телегин, и Борчагин, и Жаркин, и Давыдов, и Басов, и герои «Молодой гвардии», и многие другие».

Надо ли напоминать уважаемому автору, что Белинский и его великие последователи — Чернышевский и Добролюбов никогда не валили в одну кучу все образы, но тщательно и глубоко анализировали их, сравнивали между собою, сопоставляли с реальной жизнью.

О нашей литературе авторы сборника часто говорят «в общем и целом», проходя мимо тех изменений, тех новых тенденций, которые намечались в литературе военных и послевоенных лет.

Белинский не считал возможным говорить об особенностях русского критического реализма 40-х годов, о сущности натуральной школы, минуя анализ произведений Гоголя, Тургенева, Герцена, Григоровича, Достоевского. Почему же иные теоретики наших дней думают, что можно говорить о сущности социалистического реализма, обходясь без анализа живой современной литературы?

3. ПРОТИВ БЕЗРОДНЫХ КОСМОПОЛИТОВ

Белинскому всегда были жалки и неприятны абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве. «Космополит», — писал он, — есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека».

Эти слова уместно вспомнить сегодня.

До сих пор еще не перевелись у нас «абстрактные человеки», которые то прямо, то скрыто, то цинично, то стыливо отрицают роль и значение национальных традиций, национального своеобразия нашей советской культуры.

Во втором номере «Нового мира» за этот год напечатаны «Заметки о прозе 1947 года» Льва Субоцкого. Это тоже своего рода «взгляд на русскую литературу». Но какой абстрактный, холодный, мертвый взгляд!

Л. Субоцкий рассуждает о литературе истекшего года, ставит вопрос о том, как раскрыта главная тема современности — тема советского патриотизма. При этом он начисто лишает советский патриотизм каких бы то ни было национальных традиций. Критик вообще отрицает какое бы то ни было значение патриотизма в истории нашего народа. По его мнению, в прошлом преобладал лишь «квасной патриотизм».

«Патриотизм широких масс, — пишет критик, — в прошлом был скован в своей активности угнетательской политикой и практикой эксплуататорских классов России. «Хозяева жизни» стремились привить народу свой реакционный «квасной патриотизм», отлично уживавшийся с раболепием перед более развитыми в капиталистическом отношении государствами Европы, с политической экономическою подчиненностью им, с культивированием рабского сознания неполноценности и духовной зависимости от буржуазного Запада. Личь в отдельные исторические моменты (например, в годы войны с Наполеоном) народный

патриотизм был в состоянии найти свое прямое, действительное выражение...

Наша классическая литература создала немало образов людей, горячо любивших родину, но не способных ни к какому конкретному делу во имя этой любви, слабых, прекраснотупо-бездейственных, страдаемых интеллигентской рефлексией».

«Стало традиционным пристрастие многих литераторов, — читаем мы далее, — к наиболее простому, но не самому верному и глубокому способу решения задачи, — к тому, что я назвал бы национальным орнаментом. Считается, что если во внешности, языке, в деталях характера положительного героя будут выражены черты принадлежности к той или иной национальности, этого будет достаточно для раскрытия одной из наиболее органических и важных сторон нашей действительности».

Такова, так сказать, общая «концепция» Л. Субоцкого, полностью предопределяющая все его идейно-художественные симпатии и вкусы. Таков его основной критерий, мерка, с которой он подходит к произведениям нашей литературы. Нетрудно увидеть, что мерка эта является совершенно негодной.

Если верить Л. Субоцкому, то «патриотизм широких народных масс в прошлом» всегда был скоеанным, недеятельным, отравленным «квасными» идеями и вообще не шел дальше отдельных вспышек. И это говорится о народе, который, по словам Ленина, доказал миру, что он способен дать человечеству великие образцы борьбы за свободу, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий.

Разве непрерывная героическая борьба с чужеземными захватчиками за честь и независимость родины не проходит сквозь всю историю нашего народа? Разве в могучих освободительных, революционных устремлениях не проявлялся патриотизм народных масс? Разве в деятельности Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Щедрина и других русских писателей не сказалась огромная сила народного патриотизма?

Наш советский патриотизм основан на глубокой преданности и верности народа своей социалистической Родине, осуществившей вековые народные чаяния и устремления. В этом коренное, принципиальное отличие советского, социалистического патриотизма, являющегося патриотизмом нового, неизмеримо более высокого типа.

Советский патриотизм органически включает в себя лучшие, передовые, освободительные патриотические традиции прошлого. Советские люди никогда не были «Иванами, не помнящими родства». Дух бездушного, опустошенного космополитизма всегда был им решительно чужд и враждебен. Нигилистически зачеркнув революционно-патриотические традиции русского народа, автор не увидел и того, как глубоко и ярко отразились эти замечательные традиции в русской художественной литературе. Ее герои — это, видите ли, сплошь «слабовольные, прекраснотупо-бездейственные, страдаемые интеллигентской рефлексией» люди. Что это такое, как не клепа на нашу русскую литературу, русских писателей, в которых, по словам Белинского, народ видел своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и «народности»!

Теми же глазами космополита смотрит Л. Субоцкий и на нашу современную литературу. Он пренебрежительно относится ко всему национальному в советском искусстве. По его мнению, изображение советского человека в его национальном своеобразии — это беда нашей литературы, проявление ее ограниченности и бедности. Национальной самобытности, которую он презрительно именует «национальным орнаментом», Л. Субоцкий противопоставляет идею «государственного единства». Он раздвигается с современными писателями за

«пристрастие» к изображению «черт принадлежности к той или иной национальности». По его мнению, национальное и социалистическое — взаимно исключают друг друга понятия. Но разве не ясно, что эта космополитическая идея не имеет ничего общего с марксизмом.

Ленин не раз указывал, что интернациональная культура не безнациональна, что мы стоим за такую интернациональную культуру, в которую от каждой национальной культуры входит ее передовое, демократическое, социалистическое содержание.

«В советском патриотизме, — говорит И. В. Сталин, — гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза».

Социалистическая по содержанию, национальная по форме, — так определил вождь советских народов сущность и характер советской культуры.

Откуда же вдруг у советского критика Л. Субоцкого такой презрительный тон по отношению к национальным традициям и национальному характеру, к национальной самобытности нашей советской культуры?

«Интернационализм в искусстве, — говорил А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), — рождается не на основе умаления и обесценивания национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами».

Таким потерявшим свое лицо, безродным космополитом и выступает Л. Субоцкий в своем «взгляде на русскую литературу 1947 года».

Можно ли удивляться, что, исходя из порочных абстрактно-космополитических предположений, Л. Субоцкий не увидел, да и не мог увидеть живые, реальные и конкретные черты современного литературного процесса!

О каждом новом произведении он говорит одними и теми же общими, безличными, заранее известными словами.

В «Кавалере Золотой Звезды», пишет он, «интересно и ярко решена задача показа творческой активности, как органической черты характера передовых советских людей». Но раскрыть хоть как-нибудь эти слова Субоцкий не желает. Упрекнув мимоходом С. Бабаевского в том, что «писатель не смог изобразить все богатство и разнообразие форм творческой инициативы колхозников», он сразу же спешит оговориться:

«Но в нашу задачу не входит рассмотрение достоинств и недостатков этого романа, получившего уже давно признание читателя и критики. Мы хотим лишь отметить, что, живописуя характер своего героя, С. Бабаевский выразительно отметил в нем черты постоянной творческой активности, стимулируемой реалистической мечтой о будущем».

На этом анализ «Кавалера Золотой Звезды» закончен, хотя, как видим, он и не начинался.

Нет, не подвинут вперед изучение нашей советской литературы холодные, мертвые «взгляды» новоявленных космополитов!

Наша критика и литературоведение владеют могучим оружием, которого еще не было и не могло быть у Белинского, — марксистско-ленинским учением.

Советская литература, самая свободная и идейная литература мира, живет сегодня большой, напряженной жизнью.

Наш верный, испытанный друг и боевой союзник Белинский помогает нам сегодня бороться с теми, кто уходит из жизни, бующего мира современности в темный, призрачный мир пустых абстракций и мертвых космополитических идей.